

«Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому по краю...»

Ирина ГОРЮНОВА

Его песни - о нашем рождении. Крик о необходимости и неизбежности человеческого рождения. Не физического только, которому можно помочь, а духовного, второго рождения, где помощь невозможна, ибо здесь каждый рождается сам.

Поистине терпение, надежда и отчаяние, то есть наша неспособность отказаться (даже в момент пробуждения в нас личности) от чаяний и общих коллективных надежд и заблуждений, были, в сущности, единственно мыслимыми состояниями, во власти которых мы жили и которыми даже гордились. Короче, в ситуации, когда большинство думало, что «страдание есть, а виновных нет, что... все течет и уравнивается» (Достоевский), нами ценилась лишь одна философия - оправдания этого.

Высоцкий не разделял ее. И не оправдывал. Как человек и поэт, он следовал в своей жизни иному принципу, иной философии: если я знаю, что я есть, то знаю и то, как я должен поступать. Он знал это, показав и нам, что огромное, слепое человеческое горе даже в минуту отчаяния находит себе союзника в Слове и через Слово обретает способность светиться не только надеждой, но и сознанием достоинства.

Коллективное зло порождает мифологию коллективных упований. И, видимо, нужен Высоцкий, чтобы напомнить, сказать нам об этом. Его хриплый, от земли и небес, голос - чтобы мы его услышали.

В отличие от интеллигентов поколения Пастернака и Ахматовой, сумевших сохранить полученную ими по праву рождения культуру, поколению Высоцкого еще нужно было родиться и набрать мускулы ума, достоинства, чести, чтобы появилась возможность восстановления нравственных основ нашей жизни.

Как и всякий серьезный поэт, Высоцкий работал не по «правилам», создав свой свод законов поэтического творчества. Этот индивидуальный закон и позволил ему дать искусство, адекватное эпохе - славному периоду активного продвижения «назад к сталинизму» (современные высшие функционеры называют это время более ласково - «период застоя!»). Поэт полностью отработал этот жуткий период и сгорел в нем. Остались буквы и голос.

На исходе «оттепели» он играет Галилея, в год удушения пражской весны репетирует Хлопушу. Гамлет, Ганнибал, Жеглов... - мужественные характеры, созвучные кризисной эпохе. И все же песни и неспетые стихи - главное. Высоцкий - актер-творец (не

исполнитель!), поющий поэт-композитор («Я не бард!»). Изысканно «корявый», небумажный стих Высоцкого - реальная духовная альтернатива фальши и смятению, искупающая малодушие его собратьев по перу. Он посмел петь то и так. Делал не «красиво», а исцеляюще больно. По его песням люди учились не пропасть от тоски, во что бы то ни стало все-таки быты: «Хоть какой - доберись, добреди, дополни!»

При этом во времена, когда страна скатывалась в глубины маразма, «и эхо связали, и в рот ему всунули кляп», - он однажды ответил репортерам: «Не думаете ли вы, что если у меня есть проблемы с моим правительством, то я приехал решать их здесь?» (дело было «там»). Он преподнес нам уроки, до усвоения коих ох как далеко нынешним суперпатриотам. В заколдованном российском лесу расплодилось «глупость, серость, гнусь» - нечисть и бесовщина. Одолеть их (ясно ведь!) может только Время - если мы его на этот раз не обманем... Горькой прозой очертил поэт преграду холуйско-хамскому большинству. Веря: «не все - суета!»

Ритмы, способы рифмовки, звуковая инструментальность у Высоцкого часто уникальны. Одна из фундаментальных особенностей его поэзии - в абсолютной невозможности отсебятины со стороны ее исполнителя. Интерпретировать его недопустимо, нужно выполнять, как приказ в атаке. Отсюда - столь малый эффект театральных его интерпретаций.

Его не приняли в Союз писателей. Сыграли здесь, конечно, свою роль стереотипы его восприятия отдельными социальными кругами населения как представителя «контркультуры», противостоящей определенным формам культуры, в том числе поэтической и песенной. К концу жизни он уже и не стремился к напечатанию своих стихов. В последние годы он писал без «маски», не прикрывался образом. Писал даже не от имени своего лирического героя, писал просто от своего «я». Его стихи открывают нам трагическую фигуру Поэта. Свою судьбу он знал, знал, как и его Гамлет, о своем конце, но, как и Гамлет, не мог поступать по-другому, иначе он не был бы Гамлетом.

Есть один судья - Время. Вот время прошло, и вдруг выяснилось, что толпы людей идут уже не к мавзолею Ленина, а к Володе. Вот они как раз и явились судьями. Не Союз писателей, который его после этого всего, с экивоками так, с брезгливой ухмылочкой - вроде бы, так сказать, «одобрил». Нет. Время, земля, народ, дух. Той страны, в которой поэт родился, в которой он прожил и которой он отдал всю

свою жизнь.

Размышляя об исторических и духовных предках Высоцкого, Натан Эйдельман вспоминает одного из своих любимых героев, декабриста Лунина. «Когда великий князь Константин, второй человек в государстве, подходит к офицерам и говорит: «Господа, вы, кажется, на меня жаловались, ну что же, кому угодно, я могу дать сатисфакцию» (он уверен, что никто против наследника престола не посмеет), - тогда молодой Лунин выезжает на коне, снимает шляпу и отвечает: «Ваше высочество, от такой чести трудно отказаться!»

Разве тут не слышен голос Высоцкого?

Константин отшутился: мол, ты еще молод...

В конце же жизни, в Акатуе, одной из старейших сибирских тюрем «государственный преступник Лунин» при появлении ревизора-сенатора выходит из своей камеры без окон, светски шаркает по-гусарски и говорит на прекрасном французском языке (когда-то в Париже, когда не хватало денег, зарабатывал обучением французов их языку, больше уже российскому человеку нечем там прокормиться); так вот, он произносит: «Мой генерал, разрешите мне приветствовать вас в моем гробу».

Перед смертью Лунин еще заметит: «В этом мире несчастливы только глупцы и скоты»; иначе говоря, если счастье в тебе, в твоей внутренней свободе, - ты непобедим.

Очень «высоцкий» был человек Михаил Лунин, и очень «лунинский» - Владимир Высоцкий.

«Когда на смерть идут - поют», - прокричал любимый им Гудзенко. Высоцкий погиб, не довоевав, но он в ряду тех, кто пал на вечной войне. О таких, как Владимир Высоцкий, Брехт сказал: «Люди, которые не могут уйти». Он приближал наше время горьких прозрений, тяжелой правды и - возвращения надежды.